

В рост человека Памяти Отто Лациса

мой взгляд, не меньше 50 тысяч. Потому что Лацис, один из очень, очень немногих, сумел просто, для всех грамотных понятно объяснить, что такое была советская власть, почему она сама себя в конце концов прикончила и почему иначе и быть не могло.

В этой книге — разные этапы постепенного поумнения и изначально неглупых, но умственно заторможенных вязкостью советской жизни людей. «...Бились за экономическую реформу, не переставая думать и гадать в своем кругу: возможно ли что-нибудь изменить, не меняя существующий политический строй? Из нашей компании один Вася Селонин всегда твердо говорил, что невозможно. Остальные надеялись: а вдруг получится? 21 августа 1968 года разом поставило все на свои места. Танки прогрохотали по пражской мостовой: Селонин прав».

Но я перескажу и процитирую только один — биографический, семейный — эпизод из этой замечательной, так и не прочитанной темы, кому она на самом деле была адресована, книги. В нем хорошо видны опорные, несущие конструкции советской жизни, сегодня поразительным образом забытые. Для этого придется погрузиться в неблизкие мне, но замечательно изложенные автором обстоятельства жизни правящей партии.

Лацис рассказывает, как его отец, участник войны, раненый, пролежавший два года в больницах с туберкулезом и потерявший после операции одно легкое, получил в свое время как инвалид войны билет на заготовку леса — разрешено было валить деревья, посеченные артиллерией. И стал своими руками строить дом (жилищные условия были у семьи весьма плохи). Через несколько лет, в 1960-м, на очередном пленуме ЦК компартии Латвии главный идеолог республики делал доклад, посвященный борьбе с частнособственническими проявлениями. Он возмущался «желанием некоторых граждан иметь собственный автомобиль, собственную стиральную машину, а вокруг сада — забор». В газетном тексте доклада следовали три персональных примера неправильного поведения — в частности, автор обличал «старшего редактора Латгосиздата Рудольфа Лациса, который построил себе дом площадью около ста квадратных метров с гаражом, пивным залом и колодецем. Упоминаний о нарушении закона при этом не было».

Отто Лацис поясняет: пивного зала не было, «хотя я не видел ничего худого в пивных залах. Гараж был,

хотя в семье никогда не водилось автомобиля»: отец, «которому уже не легко бывало дойти до станции электрички, мечтал когда-нибудь автомобилем обзавестись (это ему так и не удалось). Колодец, конечно, был, но упоминание этого факта в осуждающем контексте представлялось уж совсем загадочным».

Закон запрещал строить частный дом жилой площадью более 60 квадратных метров — независимо от числа членов семьи! Отец Лациса «постарался сделать побольше подсобных помещений, которые не включались в жилую площадь, и законной нормы не превысил».

Владельцам коттеджей наших дней наверняка показалось бы смешным предположение, что можно считать большим такой дом».

Однако Лацису-старшему «поставили на вид увлечение частнособственническими тенденциями». Это у партийных даже не считалось взятием. Но Рудольф Лацис сам ухудшил свое положение, начав доискиваться логики. На разбирательстве в комиссии партийного контроля (она надзидала за поведением коммунистов) на упрек председателя комиссии, «прославившегося в партийных кругах тем, что, не удовлетворившись имевшейся шестикомнатной квартирой, соединил с ней соседнюю и жил в одиннадцатикомнатной», Лацис-старший сказал ему: «Но у тебя же тоже есть дача, и побольше моей». На что тот ему разъяснил: «его дача является государственной, это совсем другое дело. Отец не мог понять, почему пользоваться дачей за счет государства более нравственно, чем за свой счет». (Нам же, читающим эти строки, становится понятней, как в семье убежденного, видимого, коммуниста сформировалась замечательная личность Отто Лациса: мы видим *идейность* в ее чистом, не прикрасленном партийной практикой, виде).

В ответ на кощунственные речи на старшего Лациса стал кричать незнакомый член комиссии в форме морского офицера. «Моряк наверняка был участником Великой Отечественной, но отец был, кроме того, участником испанской войны да еще имел десять лет подпольного стажа, а потому не усомнился в своем праве кричать в ответ. Вышел он с заседания исключенным из партии».

И дальше Отто Лацис пробует объяснить «постсоветскому человеку» смысл всего события. Почему труднолюбивый латыш, желающий пожить под конец жизни в своем доме, построенном своими руками, так задел сотоварищей по партии — обладателей государственных дач?

«Формально не имея никакой частной собственности, партийные вожди реально владели всем достоя-

нием страны. Их право распоряжаться всем этим достоянием, право решать, кому дать государственную квартиру, кому — государственную дачу, кому предоставить очередь на покупку автомобиля, кому — путевку на курорт, а тем паче — в загранпоездку, кому выдать ордер на импортный мебельный гарнитур, а кому — заказ на колбасу, — все это и было средоточием их власти». И тот, кто ничего у них не просил, продолжает Лацис, а готов был, как его отец, «всё оплатить сам, всё построить сам, наивно полагая, что он облегчает их государственное бремя дефицитных благ, — каждый такой человек не облегчал их труд, а угрожал самим устоям их власти. *Ибо право распределять и было самой сущностью этой власти*» (курсив здесь и дальше наш).

Вот и всё, и больше ничего. Вот в чем была сущность советской власти — а не в заботах о сырых и убогих, во что почему-то нынче многие задним числом уверовали.

«Человек, построивший свой дом, становился личным врагом партноменклатуры по определению. Если же он к тому же покупал автомобиль и сам решал, куда ехать, — он становился особо опасным врагом. Все это я видел вокруг себя каждый день. Видел — не видел, потому что я в этом мире родился и вырос и не представлял себе иного...»

О разрушительном влиянии на экономику государственной регла-

ментации, констатировал автор книги, написано много. Но никто не показал еще с нужной полнотой «одно из самых поразительных явлений советской действительности: регламентацию личного потребления, которая низводила наши общественные отношения до форм феодальных, если не хуже». Он восполнял этот пробел.

Экономист Отто Лацис ответственно заверял нас, что только наивный человек мог подумать, будто «громоздкая и пронизанная своекорыстием и неравноправием система распределения была вызвана исключительно дефицитностью материальных благ, — *ничего подобного*». Ну, еще кое-как можно, пожалуй, дефицитом обосновать ограничение размера частных домов — «но как объяснить, к примеру, запрет владельцам садовых домиков в садово-огородных кооперативах иметь печки для обогрева? Чем оправдать строгое ограничение высоты подвала от пола до потолка в тех же домиках? В этих подвалах буквально, в прямом физическом смысле, заставляли сгибать спину перед волей власти: *подвал в полный рост человека запрещался*. По своей сущности такой запрет ничем не отличался от запрета строить дома выше королевского дворца в средневековых европейских столицах».

Никогда не сомневалась в наличии этой именно идеи у советской власти — согни спину, быдло! Пролетарское, рабоче-крестьянское, кол-

хозное, армейское, профессорское — всякое, — согнись пред властью!

...Не только в подвале — как известно, была точно определенная планка высоты ачного дома — «хозблока» (комната и кухня). Когда в 1984 году Союз писателей дал нам с Александром Чудаковым шесть соток земли (единственное, что мы взяли у государства, — ни одного метра жилья не брали никогда, всю жизнь работали на свою кооперативную, за свои деньги купленную площадь) в дачном кооперативе в Истринском районе (на этих сотках болотистой почвы мой муж, прежде чем строить, выкорчевал за следующее лето более двухсот пней и навозил в болото десятки машин песка), то на чердаке построенного «хозблока», где мы сделали стеллажи для журналов «Вопросы языкознания» и «Новый мир» за давние годы, высоту до стрехи пришлось делать 178 сантиметров — при росте хозяина 188 сантиметров. Иначе, говорили знатоки советского закона и узуса, приедут и сломают. Пятнадцать лет ходил хозяин по своему чердаку согнувшись — пока в прошлое лето мы не перестроили его, подняв потолок в рост человека...

Вся деятельность Отто Лациса на то была направлена, чтобы захотелось наконец его соотечественникам разогнуться в полный рост.

Далеко не все захотели. Может, еще прочтут его и захотят?

Мариэтта Чудакова

О семье, о детях...

Название одной из последних публикаций Отто Лациса (в еженедельнике «Московские новости») звучало тревожно: «Недород. От чего может погибнуть Россия?». Это были размышления над результатами проведенного Левада-Центром опроса, который касался российских демографических проблем.

Опрос выявил мнение россиян относительно того, какой должна быть «идеальная семья». Оказалось, что усредненное представление их об идеальной семье — 253 ребенка на сто семей. Почти столько же — в среднем 246 детей на сто семей — готовы были иметь опрошенные в случае, если бы получили для того все условия. Для воспроизводства населения считается достаточным иметь в среднем примерно 215 рождений на сто женщин (больше — население растет). Реальное же число родившихся в семьях опрошенных — 151 на сто семей.

Выходит, средний «недород» по сравнению с идеалом (и по сравнению с желаниями россиян) — один ребенок на семью. «Тот самый ребенок, которого не хватает России, чтобы уверенно смотреть в будущее. Есть о чем задуматься», — писал Лацис. И далее:

«Советская власть демографического кризиса не заметила, а власть российская столкнулась с ним с первых лет своего существования. Тогда же заметило его и большинство народа, узнав, что численность населения в стране сокращается. Между тем среднее число рождений упало ниже уровня простого воспроизводства, то есть ниже 215 на сто женщин, еще в шестидесятых годах. Тогда же демографы начали бить тревогу, сообщая властям о начавшемся демографическом кризисе. Увы, необходимым уровнем квалификации и культуры для понимания демографических проблем Политбюро застойных лет не обладало. Лишь переход кризиса в острую стадию — прямого сокращения численности населения — заставил прислушиваться к специалистам».

Демографы объясняют, что в индустриальном обществе с большой долей городского населения, высоким уровнем образования и развитым здравоохранением

модель воспроизводства населения иная, чем в обществе традиционном. Уходит в прошлое семья, где женщина рождает 8–12 детей, из которых выживают трое. Свобода жизненного выбора — вот главное приобретение современного общества по сравнению с традиционным. Отказываться от этой ценности женщина не собирается...

Но ведь при наличии всех необходимых для того условий возможно увеличение числа рождений. О каких условиях речь? Социологи спросили и об этом. 26 % готовы родить еще одного ребенка, если будут хорошо зарабатывать, 22 % — при наличии уверенности в завтрашнем дне, 20 % — при улучшении жилищных условий, 16 % — если государство будет больше помогать семьям с несовершеннолетними детьми, 15 % — если будут обеспечены работой, 9 % — если не будут так быстро расти цены на самые необходимые вещи, 8 % — если не будут так быстро расти цены на продукты питания.

...Совершенно ясно, что самое главное для судеб страны — повышение общего уровня жизни, решение жилищной проблемы, улучшение здравоохранения и образования. Если же посмотреть на статьи бюджета, то кажется, что самые главные расходы — военные, они растут быстрее всего. И это в то время, когда стратегического противника, с которым готовились воевать добрых полвека, мы потеряли. Спору нет, минимальный стратегический потенциал нужен и в этих условиях, иначе мы рисковали бы когда-нибудь стать жертвой политического шантажа. Но при продлении нынешних социально-экономических и демографических проблем держава Российской до этой неприяности не доживет — погибнет раньше. Ведь есть же опыт Советского Союза, укреплявшего обороноспособность до того, что оборонять стало нечего».